

Л.Б. Салихова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Показана деятельность исполнительных комитетов и комиссаров Дагестанской области в период их существования. Анализируется работа, проводимая местными органами власти по стабилизации положения в области в различных направлениях. Отмечено ухудшение положения в Дагестане после Октябрьской революции, еще более обострившегося с процессом эвакуации воинских частей, находившихся в крепостях. Это потребовало принятия дополнительных мер от Дагестанского областного исполнительного комитета для сохранения порядка и спокойствия среди населения области.

Ключевые слова: Дагестанская область; органы Временного правительства; областной исполнительный комитет; комиссар; городские, окружные, сельские комитеты.

После Февральской революции в Дагестане, как и в целом по России сформировались органы Временного правительства. 9 марта 1917 г. в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск), столице Дагестанской области, взамен старой власти в лице военного губернатора было решено организовать Временный областной исполнительный комитет (Дагестанский гражданский исполнительный комитет) в составе 30 человек, хотя органы царской власти просуществовали в Дагестане до апреля 1917 г.

Дагестанская область была образована в 1860 г., здесь было введено военно-народное управление, во главе области был поставлен начальник, который подчинялся Кавказскому наместнику. С 1883 г. должность начальника области была переименована в должность военного губернатора (в связи с преобразованием в системе военно-народного управления), он являлся высшим правительственным и военным чиновником, и командующим войсками в области. Дагестанская область была поделена на девять округов, во главе которых были поставлены начальники, они и подчинялись военному губернатору. В связи с упразднением Наместничества в 1882 г. была образована Кавказская администрация во главе с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе с полномочиями, более ограниченными, чем у наместника Кавказа, ему подчинялся военный губернатор области. В феврале 1905 г. Кавказское наместничество было восстановлено и просуществовало до 1917 г. [1. С. 172]. Отметим, что после Февральской революции в городах Дагестана также создавались временные гражданские исполнительные комитеты, в селах вместе с комитетом были выбраны комиссары в каждом участке, в округах – окружные исполнительные комитеты и комиссары, все они являлись местными органами Временного правительства и находились под контролем и руководством Дагестанского областного исполкома. Помимо последнего в Дагестане вели свою деятельность и комиссары Дагестанской области, назначенные по постановлению Особого Закавказского комитета (6 апреля 1917 г.) для управления Дагестанской областью, т.е. был образован Особый комиссариат в составе М. Далгата, И. Гайдарова и представителя облисполкома. Таким образом, областной исполком и комиссариат являлись представителями органов Временного правительства и проводили его политику.

В работе над статьей нами были привлечены труды отечественных исследователей, в которых большое внимание уделялось истории революции, гражданской войны в Дагестане, однако деятельность органов Временного правительства в Дагестане в этих работах не стала предметом специального изучения не получила соответствующего освещения в исторической литературе. Тем не менее некоторые аспекты данного исследования нашли отражение в работах исследователей советского и постсоветского периодов. Среди них книга А. Тахо-Годи [2], изданная в 1927 г.; в ней представлено описание позиции и реакции населения области на события, последовавшие за Февральской и Октябрьской революциями в России, отмечено влияние на население Дагестана мусульманского духовенства, имеются ценные сведения о деятельности органов Временного правительства. Несмотря на субъективную точку зрения автора по отношению к описываемым событиям, непосредственным участником которых он являлся, все же стоит отметить более реалистичный подход А. Тахо-Годи к событиям 1917 г. и Гражданской войны. Данная книга основана на личных воспоминаниях и представляет одну из первых попыток системного изучения революционных событий в Дагестане.

Изучаемой проблемы касались и другие авторы, в 50–60-е гг. XX в. вышли в свет работы К.Р. Караева [3, 4], А. Далгата [5], «Очерки истории Дагестана» [6] (раздел «Воспоминания») где представлены воспоминания авторов. В них в непринужденной и своеобразной манере рассказчики повествуют о событиях 1917–1920 гг., участниками которых они являлись.

Хроника важнейших событий с 1917 по 1921 г. нашла отражение в книге советского исследователя Г.А. Аликберова [7]. К работам, содержащим богатейший архивный материал по исследуемой теме, можно отнести труды А.-Г. Гаджиева [8], Х.Х. Рамазанова, А.Р. Шихсаидова [9]. В монографии А.-Г. Гаджиева, опубликованной в 1963 г., содержатся ценные сведения о внутриполитической ситуации в Дагестанской области в 1905–1917 гг., дается подробная характеристика идейно-политических установок противоборствующих политических течений. Заслуживают внимания и монографии Б.О. Кашкаева [10, 11]. В его работе «От Февраля к Октябрю» освещаются события с марта 1917 г. по май 1918 г. Хотя данная моногра-

фия в основном раскрывает проблемы своеобразия борьбы народов Дагестана за свое национальное и социальное освобождение, тем не менее в ней имеется и интересующий нас материал.

К источникам, в которых затронуты отдельные аспекты рассматриваемой темы, можно отнести работу М.-К. Дибирова «История Дагестана в годы революции и гражданской войны» [12], здесь представлена ценная информация, основанная на личных наблюдениях и впечатлениях автора, являвшегося активным участником событий начала XX в. К другой работе, вышедшей в постсоветский период, относятся мемуары полковника Магомеда Джафарова под редакцией Арслан-Герее Гаджиева, опубликованные в 2002 г. Они представляют для нас особый интерес и стали «ценным источником для изучения истории революции и гражданской войны в Дагестане» [13. С. 19], поскольку М. Джафаров сам являлся участником событий 1917 г. и был непосредственно знаком с представителями органов Временного правительства Дагестанской области.

К трудам, соприкасающимся с темой изучаемой проблемы, можно отнести исследование М.А. Абдуллаева [14], монографию Э.М. Далгат и С.А. Магомедовой [15]. Работа М.А. Абдуллаева «Ибрагим-Бек Гайдаров» посвящена видному общественному и государственному деятелю, ученому-обществовед и публицисту; в ней среди прочего имеются некоторые сведения о его деятельности в должности комиссара Дагестанской области. Монография Э.М. Далгат и С.А. Магомедовой посвящена другой выдающейся личности, общественно-политическому деятелю Северного Кавказа XIX – начала XX в., депутату IV Государственной думы, известному врачу, издателю, просветителю, который также в 1917 г. был комиссаром по управлению Дагестанской области. Обращение к этим материалам предоставляет возможность проследить деятельность этих личностей в период их работы в Дагестанской области.

Источниковой базой для исследования послужили документы и материалы, выявленные автором в фондах Центрального государственного архива РД (ЦГАРД). При написании статьи нами были привлечены следующие фонды: р-609 (Комиссар буржуазного (Временного) правительства по управлению Дагестанской областью, гор. Темир-Хан-Шура), фонд р-610 (Временный областной исполнительный комитет Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура), фонд р-611 (Временный (гражданский) Исполнительный комитет гор. Дербента Дагестанской области), фонд р-612 (Временный Исполнительный комитет Кази-Кумухского округа Дагестанской области, сел. Кумух), фонд р-702 (Дербентская городская дума, гор. Дербент Дагестанской области), фонд р-705 (Временный (гражданский) исполнительный комитет Порт-Петровска Дагестанской области), фонд р-785 (Темир-Хан-Шуринский городской исполком Совета военных депутатов (меньшевистский) Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура), фонд п-8 (Комиссия по истории гражданской войны в Дагестане при Дагобкоме ВКП(б), г. Махачкала).

В документах этих фондов отражена информация о деятельности органов Временного правительства,

здесь представлены: циркуляры, отношения, телеграммы Министерства юстиции, Военного министерства, Особого Закавказского комиссариата о размещении воинских частей и пополнении милиции по тюремному ведомству; постановления, распоряжения, отношения, протоколы заседаний комиссара Временного правительства о выработке мер по борьбе с революционным движением в Дагестане, о порядке выборов окружных комиссаров и судов, учредительного собрания и т.д.; переписка комиссара Временного правительства по управлению Дагестанской областью с комиссарами округов и начальниками тюрем; сведения, ведомости, рапорты окружных комиссаров Временного правительства в Дагестанской области об образовании окружных и участковых исполнительных комитетов и т.д. Таким образом, среди представленной обширной информации нами был выявлен и проанализирован материал о деятельности органов Временного правительства Дагестанской области.

Возвращаясь к теме исследования, отметим, что описание начала деятельности областного исполкома, органа власти Временного правительства, мы находим у А. Тахо-Годи свидетеля тех событий. Он отмечал, что исполком начал свою деятельность с отправки телеграммы в Петроград Временному правительству с заверением исполнения своего гражданского долга и сохранением порядка, установленного Временным правительством до окончания войны и победы над врагом [2. С. 2; 16. Л. 12].

Характеризуя дальнейшую деятельность Временного областного исполнительного комитета, А. Тахо-Годи писал: «Вслед за тем жизнь пошла своим обычным порядком, т.е. до того обычным, что все постановления Исполнительного Комитета посылались на подпись военному губернатору Дагестанской области генералу Ермолову, за чьей подписью все и приводилось в исполнение. Единомыслие у новой правящей группы со старым губернатором было настолько дружное, что не было ни одного конфликта на этой почве» [2. С. 2].

О настроении комитета можно судить по отрывку из воззвания к дагестанскому народу, явившегося первым обращением к нему о том, что они (представители комитета) просили население области подчиниться Временному правительству, сохранять порядок и благоустройство и не нарушать спокойствия [Там же. С. 3].

Временный областной исполнительный комитет не торопился с принятием революционных преобразований, он старался сохранить старые порядки управления областью [1. С. 335]. «И старый порядок при новом строе, и старый губернатор при Исполкоме... Меняй хоть пословицу на новый лад: “И богу свеча и черту кочерга”, а не трубный зов революции» [2. С. 3], – писал А. Тахо-Годи. Согласно свидетельству современника тех событий мы видим, что отношение населения области к местным органам Временного правительства изначально носило пессимистичный характер, так как оно не особо надеялось на работу новых органов власти, не видело преобразований в их деятельности.

Обращаясь к работе исполнительных комитетов, стоит отметить, что областному комитету подчиня-

лись окружные комитеты, последним – участковые, а тем – сельские. При комитетах существовали комиссии: продовольственная, квартирная, финансовая, юридическая, санитарная, просветительная, земельно-водная [17. Л. 883–884], которые занимались рассмотрением дел, входящих в круг их обязанностей.

Деятельность областного исполнительного комитета можно проследить по заседаниям и принимаемым на них решениям. 26 марта 1917 г. прошло 6-е заседание Дагестанского областного временного исполнительного комитета, на котором были заслушаны заявления от жителей разных мест области об устранении начальников округов, их помощников начальников участков и старшин. В итоге было решено устранить всех начальников округов и начальников участков, для управления округами и организациями комитетов – образовать в каждом округе комиссариат из двух лиц: представителя областного исполнительного комитета и представителя местной военной организации.

Был заслушан приказ выехавшего из области временного комиссара Гайдарова от 26 марта 1917 г., согласно которому комиссаром в Даргинский округ назначался полковник Магометов. Однако областной комитет не признал данный приказ, ввиду того что ранее комитет назначил комиссаром Даргинского округа Тахо-Годи, а Магометов приехал в месячный отпуск из действующей армии и Гайдаров не имел права без согласия областного исполнительного комитета назначать комиссара. Помимо этого, было решено уполномочить председателя комитета послать телеграмму о произошедшем члену Государственной думы Харламову.

На заседании было решено образовать комиссариат из трех человек для управления областью из председателя областного исполнительного комитета, представителя от военной организации и представителя от совета рабочих депутатов [18. Л. 6–6 об.].

Местными органами власти Временного правительства проводилась определенная работа по стабилизации положения в области, контролю над выполнением обязательных постановлений Временного правительства и т.д.

После Февральской революции обстановка с обеспечением области продовольствием постепенно ухудшалась, с целью обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу в области был образован Дагестанский областной продовольственный комитет и определен его состав, об этом 29 марта 1917 г. сообщал уполномоченный председателя особого совещания Дербентскому городскому старосте с просьбой распространить данную информацию среди населения города [17. Л. 178].

18 мая 1917 г. на заседании Казикумухского окружного комитета в вопросе о продовольственном обеспечении округа было вынесено пожелание об образовании окружного продовольственного фонда, в котором должны были принять участие все сельские общества, также было постановлено открыть окружную продовольственную лавку для предметов первой необходимости: мыла, спичек, чая и т.п. [19. Л. 19 об.].

В дальнейшем на заседании Казикумухского окружного исполнительного комитета от 10 июня

1917 г. в ряду других вопросов было оглашено постановление об объявлении отмены выдачи свидетельств на покупку сахара по округу; предполагалось, что весь сахар будет выдаваться через окружной продовольственный комитет. Помимо этого, было решено конфисковать весь сахар, который будет провозиться частными лицами через территорию округа, а также комитет постановил вновь отправить телеграмму на имя областного продовольственного комитета с протестом против выдачи сахара консерваторам [19. Л. 29–29 об.].

Согласно журнальному постановлению общего собрания Дербентского исполнительного комитета от 10 июня 1917 г. об утверждении постановления продовольственной комиссии, было решено следующее:

а) связаться с областным продовольственным комитетом и издать постановление о запрете на вывоз, покупку и продажу хлеба и фуража из Дагестанской области кому-либо за исключением продовольственных комитетов; опубликовать информацию об этом в Дербенте и в трех округах; послать на места летучий отряд для выяснения урожая и количества хлеба, которое можно будет приобрести в округах. Всякие сделки на покупку и продажу зерна и фуража, совершенные в то время и ранее, помимо продовольственных комитетов признавались недействительными.

б) отпустить на июнь месяц по четыре фунта сахара на душу из запасов города [20. Л. 3].

В городах Дагестанской области, продолжали существовать органы местного управления, которые вели определенную работу с исполнительными комитетами. Петровское упрощенное городское общественное управление 16 июня 1917 г. обращалось с предупреждением к пекарю Ибрагиму Махмудову о передаче его хлебопекарни кооперативу в случае повторного обнаружения злоупотребления в пользовании мукой. «Городскому Управлению стало известно, что из... хлебопекарни отпускается мука населению, из запасов выдаваемых на хлебопечение» [21. Л. 12].

27 июня 1917 г. Петровское упрощенное городское общественное управление сообщало Петровскому гражданскому исполнительному комитету, о том, что мука, которая выдавалась городским управлением для предоставления хлеба исключительно для нужд населения города, использовалась не по назначению. «Хлебопек Ибрагим Махмудов (по Нагорной улице)... получает муку от города и, выпекая хлеб, – пудами продает его на станцию железной дороги, откуда хлеб скупщиками направляется во все места населения» [Там же. Л. 1]. Городское управление просило оштрафовать Махмудова на 100 рублей, так как полагало, что он нарушил постановление Городского управления и исполнительного комитета, воспрепятствовавших продаже муки и хлеба на вывоз [Там же. Л. 1–1 об.].

Обстановка в отношении снабжения продовольствием ухудшалась и в столице Дагестанской области. Согласно Протоколу № 7 «голодного заседания Совета рабочих и военных депутатов г. Т. Х. Шуры. 4-го сентября 1917 г., при участии городского и областного продовольственных комитетов и заведывающего хозяйственной частью войск, расположенных

в Темир-Хан-Шуринском гарнизоне, под председательством штабс-капитана Баторского, при секретаре Обухове» [22. Л. 12] было заслушано несколько докладов, среди них доклад представителя городского продовольственного комитета Аникиева о положении продовольственного вопроса в городе, о мерах, принятых комитетом к устранению голодного бунта, который мог возникнуть среди населения города Темир-Хан-Шуры; доклад комиссара Дагестанской области о положении продовольственного вопроса в области, о мерах, которые были приняты или предполагалось принять для улучшения продовольственного положения в области. Доклады были приняты к сведению, в то же время было принято и предложение полковника Федорова «о введении безотлучного контроля за выпечкой и продажей хлеба, по сахарным карточкам, из выданных городу 280 пудов муки Т.Х. Шуринским продовольственным магазином...» [22. Л. 12–13]. Таким образом, одним из вопросов, с которым столкнулись органы Временного правительства на протяжении своей деятельности, стал вопрос об обеспечении населения продовольствием, который все острее проявлялся изо дня в день и требовал к себе пристального внимания. Введение и контроль обязательных постановлений не всегда способствовали искоренению продажи скупщиками предметов первой необходимости посторонним лицам, что также способствовало ухудшению обеспечения области продовольствием.

Деятельность органов Временного правительства можно проследить и по работе городских, окружных, сельских комитетов. На заседаниях исполнительных комитетов рассматривались разные вопросы. 20 марта 1917 г. на заседании Президиума Дербентского исполнительного комитета были заслушаны доклад комиссара об организации комиссариата, заявление представителей девяти селений Улусского магала о включении их в сферу деятельности Дербентского исполнительного комитета, заявление отдельных лиц о выдаче разрешений на вывоз вина и др. [23. Л. 4]. 28 марта 1917 г. был поднят вопрос о разглашении телеграфных тайн дербентским телеграфом, в итоге было решено «предложить Исполнительному Комитету служащих при Дербентском телеграфе принять строгие меры к прекращению подобного рода явлений, в противном случае поставить своего контролера» [Там же. Л. 7 об.].

На примере Дербентского временного исполнительного комитета мы видим, что в круг его интересов входили и вопросы по улучшению санитарного состояния города. 19 апреля 1917 г. состоялось заседание Дербентской санитарной комиссии исполнительного комитета под председательством доктора Оленева, на котором присутствовали: врачи Аствацатуров, Котлер, Полетика, Маилов, помощник городского старосты Кочергин и комиссар I участка Исагулянц.

Доктором Оленевым была предложена схема санитарного устава, одобренная собранием врачей. Она была передана на рассмотрение Дербентского временного исполнительного комитета. Согласно данной схеме санитарная исполнительная комиссия должна была состоять из: 1) трех членов исполнительного

комитета, 2) городского комиссара, 3) врача делегата от Общества врачей, 4) врача делегата медицинского союза, 5) санитарного врача, 6) двух членов городского общественного самоуправления и 7) всех остальных врачей г. Дербент как совещательного органа.

В санитарном отношении город предполагалось разделить на три участка, каждым участком должен был заведовать член исполнительного комитета, а не врач. Заведующий каждым участком мог обратиться к населению своего участка с предложением организовать санитарное попечительство из граждан. Все это представляло собой основной орган санитарной комиссии г. Дербента.

В помощь заведующему участком и участковым попечительством приглашался один санитарный врач, два санитарных фельдшера, три санитарных надзирателя и два торгово-санитарных базарных смотрителя. Эти лица представляли собой исполнительный орган санитарной комиссии и были платными.

На заседании было предложено организовать торгово-санитарную лабораторию с платным химиком и одним служителем, организовать мусоросжигательные печи, так как, по заявлению санитарного врача, свалочные места были расположены кольцом вокруг города. Помимо этого, у города имелись санитарные организации: бойня и дезинфекционная камера [17. Л. 350–350 об.].

Таким образом, Дербентский временный исполнительный комитет занимался вопросами санитарного состояния города. 25 мая 1917 г. он обратился к городскому управлению с просьбой сообщить о том, какими средствами и санитарным инвентарем располагал город для проведения в жизнь мероприятий по улучшению санитарного состояния города [Там же. Л. 349].

Один из окружных комитетов – Казикумухский – начал свою деятельность непосредственно после своего формирования. 18 мая 1917 г. прошло одно из первых заседаний, на котором были рассмотрены следующие вопросы: о правильности избрания членов самого комитета, об окружном суде, о заседаниях окружного комитета, об обязанностях сельских комитетов и т.д. В отношении окружного суда было решено открыть немедленно окружной суд, так как его закрытие вызвало недовольство в народе, которое могло вылиться в эксцессы. Масса поступавших дел требовала неотложных решений, иначе все это могло закончиться самосудом. Заседания окружного комитета было решено проводить регулярно, раз в неделю, не считая экстренных. Заседания предполагалось делать открытыми, за исключением особых, заседания и постановления считались законными при пяти собравшихся членах. Так как обязанности сельских комитетов не были определены, решено все оставить по-прежнему до нового подробного обсуждения вопроса и применения новых правил новой инструкции. Помимо этого, было решено разослать по округу приказ о правах сельских, участковых и окружных комитетов и комиссаров [19. Л. 19–19 об.].

Так, на заседаниях Казикумухского окружного комитета рассматривались дела разного содержания: жалобы, прошения жителей, постановления самого комитета и т.д. Согласно протоколу от 6 июня 1917 г.

были рассмотрены следующие вопросы: посылка телеграммы по указанному адресу с просьбой не закрывать Кумухскую почтово-телеграфную контору до 12 часов ночи, а также учреждение там бюро справок и отказ от денежных выплат за хранение посылок; в связи с наступающим постом было решено запретить всякого рода увеселения и свадьбы, за несоблюдение правил поста предполагался штраф в 25 руб. Замеченные в продаже вина в первый раз могли быть подвергнуты аресту на 15 суток, а во второй раз – на месяц; за внесение смуты среди населения и действия провокационного характера полагался в первый раз арест на 15 суток, а во второй – на месяц.

На данном заседании было решено обязать все сельские общества предоставлять лошадей или «прогонов» должностным лицам, едущим по делам общества; признать в сельских обществах судебную власть за лицами избранными самими обществами, сельскими комитетами, сельским комиссаром запрещалось участвовать в судебных заседаниях; запрещалась продажа овцеводами кому-либо овец для бойни [19. Л. 27–28]. Таким образом, местные органы Временного правительства решали вопросы, с которыми им приходилось сталкиваться ежедневно.

Что касается постановлений Временного правительства, отметим, что 7 марта 1917 г. (по некоторым архивным данным – 17 марта) вышел Указ Временного Правительства об амнистии, об отмене всех мер взысканий, наложенных во внесудебном порядке по распоряжению гражданских и военных властей за нарушение обязательных постановлений. Ввиду этого начальник Темир-Хан-Шуринской тюрьмы предлагал другим начальникам тюрем освободить всех арестованных за нарушение обязательных постановлений по распоряжениям Временного генерал-губернатора, а также освободить арестованных местными властями в порядке Положения управления Дагестанской областью, кроме числящихся за народными и окружными словесными судами [24. Л. 11].

В последующем комиссаром Дагестанской области Гайдаровым 4 мая 1917 г. был направлен циркуляр окружным комиссарам Дагестанской области о сокращении срока изгнания всем канляям (канлый – кровник; убийца, подвергавшийся кровной мести), поселенным на жительство во вверенный им округ на сроки более трех лет, – до трех лет, а на меньший срок – на половину срока в соответствии с амнистией, объявленной Временным правительством 17 марта 1917 г. Тем же лицам, у которых закончился срок изгнания по данной амнистии, разрешалось вернуться на родину, чтобы до адатного примирения с кровниками они были поселены в другом селении [25. Л. 11].

В этом контексте стоит отметить и те беспокойства, которые периодически вызывали арестанты. Начальник Темир-Хан-Шуринской тюрьмы Петрякин 15 июня 1917 г. обращался к комиссару по управлению Дагестанской областью с просьбой увеличить кормовую табель для арестантов с 35 до 60 коп. в день на человека из-за подорожания всех предметов потребления [26. Л. 42–42 об.].

3 августа 1917 г. начальник Темир-Хан-Шуринской тюрьмы Петрякин сообщал комиссару по управ-

лению Дагестанской областью, что арестанты на этот раз требовали выдачи им кормовых денег на руки. Он отмечал, что со дня объявления свободы арестанты вели себя крайне вызывающе и дерзко, ежедневно предъявляли разные требования. Они заявляли о желании покупать вместо мяса сало, потом отказались от этого, требуя выдачи денег на руки. Помимо этого, более двух месяцев назад арестанты не разрешали запирали их камеры на ночь, оставались всю ночь на свободе, чем ставили дежурных надзирателей в тяжелое положение, о чем было сообщено и комиссару и исполнительному комитету. Ожидая распоряжения со стороны высших властей области, начальник тюрьмы не принимал никаких репрессивных мер в отношении арестантов, а действовал на них убеждением. Это привело лишь к тому, что последние полагали, что им разрешается все. Петрякин просил разрешения для принятия более строгих мер в отношении арестантов, не желавших подчиняться тюремным порядкам. 14 августа 1917 г. ввиду малочисленности арестантов (17 человек) было разрешено выдавать кормовые деньги на руки до увеличения числа арестантов хотя бы до 50 чел. [26. Л. 54–55 об.].

Кроме того, от Бакинской казенной палаты 19 августа 1917 г. поступило разрешение на имя комиссара по управлению Дагестанской областью об увеличении кормовой табели в Дербентской, Петровской и Темир-Хан-Шуринской тюрьмах до 50 коп. в день на одного человека [Там же. Л. 62].

Увеличение цен на продовольствие приводило в дальнейшем к возмущению со стороны арестантов, которое выражалось в определенной форме. В ноябре 1917 г. начальник пересыльной тюрьмы доносил, что арестантами была объявлена забастовка ввиду назначения продовольственным комитетом отпуска хлеба по фунту на арестантов. Областной комиссар Б. Шаханов, 3 ноября 1917 г. обращаясь к Совету солдатских и рабочих депутатов, Мусульманскому национальному комитету, городскому продкомитету (копия была направлена и начальнику пересыльной тюрьмы) просил послать делегатов в тюрьму для выяснения условий содержания арестантов и воздействия на них с целью прекращения забастовки, а также сообщить ему о результатах. Кроме того, ввиду ограниченности арестантского рациона Б. Шаханов считал необходимым отпускать им хлеб наравне с рабочими, т.е. полтора фунта [27. Л. 3; 28. Л. 14; 29. Л. 15]. Регулирование ситуации по сохранению порядка среди арестантов в сложившейся обстановке вело к решению вопроса лишь с соблюдением компромисса со стороны местных властей, опасавшихся возникновения новых беспорядков и ухудшения положения в области.

К постановлениям Временного правительства относился и вопрос о замене полиции на милицию. 20 апреля 1917 г. комиссару Дагестанской области была направлена телеграмма из Петрограда с Постановлением Временного правительства об учреждении милиции. Согласно Постановлению взамен «наружной полиции» учреждалась милиция, содержание милиции передавалось уездным земским и городским общественным управлениям и т.д. Данное Постановление было перенаправлено комиссаром Дагестан-

ской области М. Далгатом в распоряжение городских общественных управлений. Одно из таких постановлений Дербентским городским старостой было перенаправлено в Дербентский городской исполнительный комитет (13 мая 1917 г.) [30. Л. 1–1 об.].

Однако вопрос о замене полиции милицией мог повлечь за собой разные проблемы, среди них – предоставление оружия вновь учрежденным органам. Комиссар Даргинского округа 8 мая 1917 г. обращался к Временному правительству, а именно к Дагестанскому областному комитету с рапортом, в котором просил предоставить оружие для народной милиции с целью охраны спокойствия и мирного труда 100 тыс. граждан вверенного ему округа. Для этого он просил ходатайствовать перед Закавказским комиссариатом об отпуске из артиллерийского склада оружия, необходимого для вооружения народной милиции Даргинского округа более совершенного образца, чем то, которое обычно носило население (кинжал, револьвер) [26. Л. 17–18].

19 мая 1917 г. комиссар Даргинского округа вновь обратился с просьбой об отпуске оружия на нужды милиции. Он отмечал, что во вверенном ему округе случаи угона скота, появление преступного элемента с каждым днем становились все более заметными. Для пресечения анархии в самом начале ее появления он считал необходимым незамедлительно вооружить народную милицию и просил ускорить ходатайство, о котором он упоминал ранее [Там же. Л. 31 об.].

23 июня 1917 г. временный комиссар Даргинского округа капитан Таймазов обращался к комиссару по управлению Дагестанской областью о необходимости организации в округе народной милиции и вооружения ее огнестрельным и холодным оружием, 500 револьверами системы «Смитта и Вессона» казенного образца и 13 тыс. штук патронов к ним и 300 шашек [Там же. Л. 37].

С упразднением полиции областным исполнительным комитетом Дагестанской области от 25 августа 1917 г. была направлена гражданским общественным управлениям и городским исполнительным комитетам Дагестанской области копия циркуляра Особого Закавказского комитета за № 13239 об использовании имущества, принадлежавшего упраздненным полицейским учреждениям, и передаче их управлениям милиции. Сведения, затребованные в данном циркуляре, одновременно были потребованы и от начальников милиции [17. Л. 544].

Согласно циркуляру Временного правительства Особого Закавказского комитета от 3 июля 1917 г. за № 13239 губернским, областным и окружным исполнительным комитетам и комиссару Бакинского градоначальства в соответствии с изданными Временным правительством 24 мая 1917 г. «Правилами употребления имущества, принадлежащего упраздненным полицейским учреждениям» Особый Закавказский комитет постановил:

– возложить на местные исполнительные комитеты уездные и городские в пределах Закавказья обязанность определить все недвижимое и движимое имущество, принадлежавшее казне и находившееся в распоряжении или пользовании упраздненных полицейских учреждений и принять их в свое временное

заведывание и на хранение. При приеме имущества необходимо было составить акты и направить их в Особый Закавказский комитет;

– передавать по усмотрению Особого Закавказского комитета движимое имущество упраздненных полицейских учреждений при необходимости органам земского и городского самоуправления для нужд милиции и т.д. [17. Л. 595–595 об.].

Архивы, дела и переписки упраздненных полицейских учреждений, а также вещественные доказательства, хранившиеся в данных учреждениях, передавались в ведение соответствующих органов уездной и городской милиции. Вся работа в этом отношении по каждой губернии, области, городу должна была проходить под руководством губернских (областных, окружных) исполнительных комитетов [Там же. Л. 595 об.].

О положении с обеспечением милиции оружием говорят следующие факты. 28 декабря 1917 г. начальник милиции докладывал дербентскому городскому голове, о том, что в его распоряжении находились 66 милиционеров и 2 конных милиционера, из которых винтовками были вооружены всего лишь 13 человек. В связи с отсутствием вооружения милиционеры отказывались становиться на ночные посты и увольнялись, таким образом, город мог остаться без охраны. Начальник милиции просил принять экстренные меры, вооружить милиционеров, а иначе он отказывался нести всякую ответственность за нарушение спокойствия в городе [Там же. Л. 869–869 об.]. Таким образом, органы Временного правительства занимались вопросами сохранения спокойствия в области и предпринимали все необходимые меры в соответствии со своими возможностями.

25 октября (7 ноября) 1917 г. в Петрограде произошло вооруженное восстание (Октябрьская социалистическая революция), в результате которого было свергнуто Временное правительство, а государственная власть «перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона» [31. Л. 919–920].

Весть о победе вооруженного восстания в Петрограде была воспринята в Дагестане неоднозначно. 27 октября на общем совещании областного исполкома, милликомитета, деятелей Союза горцев Северного Кавказа, Темир-Хан-Шуринской городской думы, Совета военных депутатов и штаба Темирханшуринского гарнизона было принято решение об отказе признания власти Совета народных комиссаров. Через два дня состоялось второе совещание представителей тех же организаций, на котором было решено создать в Темир-Хан-Шуре «Особый комитет спокойствия» в целях охраны «порядка» [32. Л. 3; 33. Л. 1 об.; 34. С. 35].

«В случае возникновения в городе беспорядков, – говорилось в нем, – Комиссар Области передает власть над городом Комитету спокойствия, о чем объявляет населению города» [32. Л. 3–3 об.]. Назначались ежедневные дежурства воинских частей, мобилизовались силы на защиту Дагестана.

О напряженной обстановке говорят следующие документы. Комиссар Б. Шаханов 12 ноября 1917 г. направил циркуляр за № 15832 окружным комиссарам,

начальникам милиций городов Темир-Хан-Шуры, Петровска и Дербента и комиссару Петровской железнодорожной милиции с предложением о немедленном сообщении ему обо всех происшествиях, сопровождавшихся поранениями, убийствами, поджогами, разгромом и захватом имущества [25. Л. 64].

Согласно выписке из протокола заседания Дагестанского областного совета от 14 и 15 ноября 1917 г. были выработаны правила для комиссаров Дагестанской области. Комиссарам совместно с исполнительным комитетом предоставлялось право внесудебного ареста: областному комиссару до трех месяцев, окружному – до двух, участковому – до одного, сельскому комиссару – до трех дней. В экстренных случаях комиссарам предоставлялось право проводить аресты единолично, при этом он обязан был немедленно созвать соответствующий комитет и доложить о произведенном аресте. Арестованные комиссаром на период ареста направлялись на выполнение общественных работ. Комиссары избирались на год, в случае неисполнения своих обязанностей их могли отстранить от должности [35. Л. 5].

Следует отметить, что в Дагестане Октябрьскую революцию признал Порт-Петровский Совет рабочих и солдатских депутатов, на заседании от 7 ноября 1917 г. он принял решение о признании новой власти [7. С. 36–37]. В дальнейшем «процесс большевизации Советов охватил также Дербент, Кизляр, Хасавюрт и др. населенные пункты. Помощь местным Советам оказывали Бакинский Совет и Закавказский комитет РКП(б)» [1. С. 343]. Власть к Советам переходила относительно мирным путем. В основном борьба осуществлялась вокруг оружия, находившегося в крепостях, воинские части которых эвакуировались. В конце ноября 1917 г. начался этот процесс. Гарнизоны, расположенные в Дешлагаре и в Ахтах, первыми покинули Дагестан, забрав с собой почти все оружие. «Кумухский гарнизон слился с Гунибским, а Ботлихский – с Хунзахским. В Гунибской и Хунзахской крепостях, таким образом, скопилось огромное количество оружия и боеприпасов» [34. С. 39].

В данной обстановке разоружение русских гарнизонов стало не только возможным, но и неизбежным, как полагал полковник М. Джафаров. «Исполком принял постановление о разоружении в первую очередь Шуринаского гарнизона» [13. С. 52], – писал он. Между Советом солдатских депутатов в Шуре и исполнительным комитетом было заключено соглашение о разоружении русских гарнизонов, которое было передано в Гуниб, Хунзах и Ботлих. Все сданное оружие поступило в распоряжение исполнительного комитета.

В начале января 1918 г. в Северном Дагестане уже не было русских гарнизонов. Однако они оставались в Петровске, Дербенте и Хасавюрте. «Исполнительный Комитет боялся трогать Петровский гарнизон. По линии железной дороги все еще продолжались движения воинских частей с турецкого фронта. Существовала опасность, что Петровский гарнизон приведет на помощь эти части и с ними пойдет на Шуру и разгромит исполком» [13. С. 54].

Когда в марте 1918 г. прекратилось движение частей с турецкого фронта, исполнительный комитет решил разоружить Петровский гарнизон. Это дело было поручено командиру второго полка Гольдгаргу. Солдаты, не оказав никакого сопротивления, уехали морем на Астрахань, а с ними и Петровский совет [13. С. 60].

Разоружение воинских частей, а также их уход из Дагестана данных частей, с одной стороны, вызывали тревогу у населения области. Начальник почтовой телеграфной отделения Осканов сообщал телеграммой областному комиссару в Темир-Хан-Шуру 3 декабря 1917 г. о том, что Гунибский гарнизон на днях собирался полностью уйти. Это вызывало страх, так как поступали слухи о будущем разгоне и убийстве служащих контрреволюционерами, которые могли последовать после ухода гарнизона. Осканов просил принять соответствующие меры по охране вверенного ему отделения служащих [26. Л. 87].

4 декабря 1917 г. поступил ответ от областного комиссара (за него отвечал Темирханов) на имя начальника гарнизона, окружного комиссара и начальника почты, который заверял, что взамен собирающегося покинуть Гуниб гарнизона будут прислана другая воинская часть, создана комиссия для приема от гарнизона всего казенного имущества укрепления и для передачи этого имущества новому гарнизону, а до этих пор он просил гарнизон не покидать Гуниб, оставшееся местное гражданское население испытывало страх в связи со складывавшейся ситуацией [Там же. Л. 88].

Положение в области ухудшалось с каждым днем, учащались случаи грабежей и убийств. 8 декабря 1917 г. комиссар Андийского округа сообщал в Дагестанский областной исполнительный комитет об обстановке, сложившейся по всей дороге от сел. Шали до границы Андийского округа. Он отмечал, что торговцы, прохожие из отлучки на заработки и возвращавшиеся с хлебом подвергались нападению чеченцев. У торговцев отбирали деньги, оружие и одежду, у других – лошадей, ишаков и хлеб. Были неоднократные случаи убийства, поранения за сопротивление грабителям. Делегация, отправленная в Чечню для переговоров, не принесла никаких результатов, она не получила никаких гарантий.

Комиссар Андийского округа отмечал, что населению округа угрожал голод, никто из жителей не мог отправиться в Чечню за хлебом, а на базаре цены на хлеб поднялись. Он просил принять экстренные меры, поставить охрану на пути от селения Шали до Андийской границы, хотя бы Андийскую сотню 2-го Дагестанского конного полка, для охраны жителей Дагестанской области от грабителей. Данный вопрос был внесен на обсуждении областного комитета [36. Л. 46].

В области продолжались беспорядки, что видно из следующих сообщений областного комиссара. 18 декабря 1917 г. за областного комиссара Б. Шаханова Гасанов сообщал окружному комиссару в Маджалис о том, что Дешлагарский комиссар телеграфом обратился к начальнику Дербентского гарнизона с просьбой прислать солдат в Дешлагар ввиду опасности, угрожающей со стороны жителей, которые угнали

общественный скот. Областной комиссар предлагал принять меры к розыску угнанного скота и восстановлению порядка [37. Л. 156].

23 декабря 1917 г. областной комиссар Б. Шаханов писал окружному комиссару в Маджалис об ограблении Валхарского хутора, о том, что мурагинцы Даргинского округа угнали лошадей, рогатый скот, был убит один абрек. Прибыла охрана из национальной милиции, но ее было недостаточно, в связи с этим он просил выслать подкрепление на разъезд Инчхе, провести расследование для преследования виновных [Там же. Л. 158].

23 декабря 1917 г. областной комиссар Б. Шаханов писал участковому комиссару в Чир-Юрт о том, что общество Сулак телеграфировало об ограблении по дороге двух лошадей и брички с упряжью около Султан и Янгиюрта с оружием милиции. Он предлагал принять меры к задержанию виновных и розыску ограбленного имущества [Там же. Л. 161].

23 декабря 1917 г. управление Владикавказской железной дороги, а именно начальник Петровского отделения обращался с просьбой к областному комиссару Дагестанской области о постановке на станциях, разъездах и будках в пределах Дагестанской области туземной охраны для предотвращения увольнения служащих. Из-за случаев ограбления служащих дороги на участке Петровск-Чир-Юрт они отказывались нести службу и в массовом порядке увольнялись [38. Л. 122].

Дагестанский областной исполнительный комитет 21 декабря 1917 г. направил документ окружным комиссарам Дагестанской области о том, что согласно докладу областного врача некоторые служащие в округах, фельдшера русского происхождения, просили о прикомандировании их к темир-хан-шуринской сельской больнице из опасения, что с уходом гарнизона из гор возможны нападения туземцев на них.

Куваршалов, обсудив с областным врачом просьбу фельдшеров, пришел к выводу, что нежелательно скопление врачей в одной городской больнице и вместе с тем нежелательно оставлять население без медицинской помощи. Но в то же время, понимая настроение фельдшеров русского происхождения, он считал необходимым оградить их жизнь от всякой опасности и дать возможность нести спокойно свою службу.

Куваршалов призывал окружных комиссаров принять меры к ограждению фельдшеров от возможной опасности путем чтения воззваний к народу в джумамечетях с просьбой избегать всяких эксцессов и враждебности к медицинским чинам и стараться всякими зависящими от народа мерами удерживать их у себя [26. Л. 97–97 об.].

29 марта 1918 г. дагестанский областной врач обращался к дагестанскому областному комиссару с просьбой обеспечить во время выездов медицинского персонала по противозидемическим мероприятиям охраной в лице окружного комиссара Темир-Хан-Шурина округа или участковых комиссаров. Так, сельский врач Темир-Хан-Шурина округа Агриколянский, который должен был выехать вместе с фельдшером в Чир-Юртовский участок для принятия мер против сыпного тифа, отказывался при существовавших условиях совершать разъезды по округу до

установления их личной безопасности [39. Л. 5–5 об.].

Помимо вопросов охраны мирного населения от участвовавших случаев убийств, грабежей, разгромов, поджогов и т.д. в период после Октябрьской революции органам власти приходилось сталкиваться и с другими вопросами, связанными с обеспечением порядка в области. 7 декабря 1917 г. лесничий Темир-Хан-Шурина лесничества докладывал председателю Дагестанского областного исполнительного комитета о том, что объездчик Ишкартинской казенной лесной дачи Мирзоев сообщал об обществе селения Ишкарты, которое после некоторого перерыва вновь возобновило самовольную вырубку казенного леса, а материал вывезло на продажу в Темир-Хан-Шуру. Лесная стража не в силах была остановить истребление казенных лесов, поэтому лесничий и обращался с просьбой принять экстренные меры, приостановить дальнейшую вырубку, задержать вырубленный лес который должен был поступить на базар в Темир-Хан-Шуру. Он отмечал, что «без секвестрации вырубленного леса сельское население, пользуясь безнадежностью, будет продолжать истреблять» лес [18. Л. 20–20 об.].

На заседании областной земельной управы рассматривался вопрос о выработке мероприятий по прекращению массовой вырубки леса в Темир-Хан-Шурина участке 20 декабря 1917 г. В указанном участке наблюдалось непрерывное истребление лесов как казенных, так и сельско-общественных; об этом доложил председатель Дагестанского областного комитета Д.-Э. Коркмасов, который предложил высказаться по этому вопросу и принять соответствующие меры.

После обсуждения вопроса совещание выработало следующие меры, среди них: выдача окружным земельным комитетом особых удостоверений на всякую вырубку и заготовку леса как в сельско-общественных, так и частновладельческих лесах. Разрешение выдавалось на заготовку лесных материалов, которое не вело к истощению запаса лесонасаждений данного лесного участка.

При вывозе леса в город, из селения в селение и на хутор каждый извозчик должен был иметь при себе документ от владельца леса (от сельского общества и др.). За правильностью и законностью заготовки лесных материалов на всех лесовозных дорогах в черте сельских обществ устанавливался контроль как со стороны сельской администрации, так и со стороны лесной стражи. Заготовленный лес без надлежащего разрешения секвестрировался и сдавался на хранение сельскому комиссару ближайшего селения. Лесной материал, доставляемый в Темир-Хан-Шуру, проверялся при въезде в город особой милицией. Выработку технической и финансовой стороны дела должна была принять на себя областная земельная управа.

Виновные в самовольной вырубке леса или в вывозе его без соответствующего разрешения подвергались ответственности по закону и в административном порядке.

На заседании было решено обратиться за содействием к областному комиссару и просить его сделать подтверждение окружному и участковым комиссарам

о немедленном взыскании штрафов за самовольную вырубку леса. Было принято решение ознакомить лесную стражу как казенных, так и сельскохозяйственных лесов с намеченными мерами борьбы самовольной вырубки леса, предупредить об увольнении лесной стражи и предании ее суду в случае малейшего упущения или злоупотребления по службе с ее стороны [40. Л. 3–3 об.].

В то время как Временное правительство просуществовало в Центральной России лишь до Октябрьской революции, – органы Временного правительства были ликвидированы в Дагестане только в апреле–мае 1918 г., что было связано со слабым социально-экономическим и политическим развитием области, отставанием от центральных регионов страны, слабостью революционных сил, а также влиянием духовенства на народные массы. В итоге процесс смены органов Временного правительства в Дагестанской области затянулся на несколько месяцев. Хотя, говоря об ис-

полнительном комитете, М. Джафаров отмечал, что в марте 1918 г. исполком был уже фиктивной организацией власти, которая не имела никакой опоры в массе. «Никто его не трогал ибо он никому не был нужен, но и никому не мешал. В Дагестане в это время существовали две общественные силы, две политические партии: Социалистическая и имамская» [13. С. 116]. А с занятием Петровска большевиками он и вовсе перестал существовать, хотя снова стал собираться в горах, но его уже никто не признавал за власть [Там же. С. 126].

За период существования органов Временного правительства Дагестана ими проводилась работа по стабилизации положения в области, как в отношении охраны спокойствия, так и обеспечения продовольствием, санитарного состояния, контроля над выполнением обязательных постановлений Временного правительства и т.д., хотя не всегда работа местных органов Временного правительств в Дагестане оценивалась современниками тех событий положительно.

ЛИТЕРАТУРА

1. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала : Типография ДНЦ РАН, 2009. 752 с.
2. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала : Дагестан. гос. изд-во, 1927. 243 с.
3. Караев К.Р. В горах Дагестана. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1957. 48 с.
4. Караев К.Р. Воспоминания. Махачкала : Типография Дагфилиала АН СССР, 1968. 88 с.
5. Далгат А. В огне революции. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1960. 280 с.
6. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1950. Ч. I. 432 с.
7. Аликберов Г.А. Революция и гражданская война в Дагестане. Хроника важнейших событий (1917–1921 гг.). Махачкала : Дагестан. кн. изд-во, 1962. 216 с.
8. Гаджиев А.Г. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963. 354 с.
9. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964. 278 с.
10. Кашкаев Б.О. Борьба за Советы в Дагестане. 1917–1920 годы. М. : Соцэкгиз, 1963. 288 с.
11. Кашкаев Б.О. От Февраля к Октябрю. М. : Наука, 1972. 366 с.
12. Дибиров М.-К. История Дагестана в годы революции и гражданской войны. Махачкала, 1997. 200 с.
13. Мемуары полковника Джафарова Магомеда из сел. Кудали. «Революция и гражданская война в Дагестане 1917–1921 гг.». Махачкала, 2002. 193 с.
14. Абдуллаев М.А. Ибрагим-Бек Гайдаров. Махачкала : Дагестан. кн. изд-во, 1999. 440 с.
15. Далгат Э.М., Магомедова С.А. Магомед Далгат: Эпоха, жизнь, деятельность. Сер. Жизнь замечательных дагестанцев. Махачкала : Дагестан. кн. изд-во, 2015. 144 с., ил.
16. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГАРД). Ф. п-8. Оп. 3. Д. 59.
17. ЦГАРД. Ф. п-702. Оп. 1. Д. 14.
18. ЦГАРД. Ф. п-610. Оп. 1. Д. 13.
19. ЦГАРД. Ф. п-612. Оп. 1. Д. 1.
20. ЦГАРД. Ф. п-611. Оп. 1. Д. 11.
21. ЦГАРД. Ф. п-705. Оп. 1. Д. 1.
22. ЦГАРД. Ф. п-785. Оп. 1. Д. 1.
23. ЦГАРД. Ф. п-611. Оп. 1. Д. 9.
24. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 4.
25. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 9.
26. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 3.
27. ЦГАРД. Ф. п-785. Оп. 1. Д. 3.
28. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 15.
29. ЦГАРД. Ф. п-610. Оп. 1. Д. 3.
30. ЦГАРД. Ф. п-611. Оп. 1. Д. 3.
31. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М. : Полит. энцикл., 2014. 982 с.: ил.
32. ЦГАРД. Ф. п-610. Оп. 1. Д. 27.
33. ЦГАРД. Ф. п-8. Оп. 3. Д. 21.
34. История Дагестана: в 4 т. М. : Наука, 1968. Т. III. 426 с.
35. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 2.
36. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 12.
37. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 21.
38. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 23.
39. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 22.
40. ЦГАРД. Ф. п-609. Оп. 1. Д. 34.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 июля 2019 г.

Activities of the Provisional Government Bodies of the Dagestan Oblast

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 138–148.

DOI: 10.17223/15617793/446/18

Leila B. Salikhova, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: leila.salihova@yandex.ru

Keywords: Dagestan Oblast; Provisional Government bodies; Regional Executive Committee; commissars; town, district, village committees.

The aim of the study is to show the work of the executive committees and commissars of the Dagestan Oblast, who were the local authorities of the Provisional Government. This topic has not become the subject of a special study and has not received an adequate coverage in the historical literature. Archival documents and materials of the Central State Archive of the Republic of Dagestan became the sources for the research. The author also used the memoirs of the participants of those events, the works of Russian researchers on the history of the revolutions and the civil war in Dagestan. The methodology of the research included methods of modern historical science: the principle of historicism, which allowed to consider the analyzed events and phenomena from a historical point of view, the principle of objectivity, and general scientific methods of analysis, synthesis and description. The activity of local bodies that replaced the Tsarist power was reviewed in the study. The author comes to the conclusion that while the Provisional Government bodies were functioning in Dagestan, their main activity was to stabilize the situation in the region in various directions, but it was not always successful. The population of the region did not initially trust the new authorities. The new local bodies monitored the implementation of mandatory orders of the Provisional Government, the violation of which entailed a penalty of fines; controlled the food supply of the region, which deteriorated every day, etc. Town, district and village executive committees also dealt with issues of maintaining order in their area, providing the population with food (necessities), etc.; they were subordinate to the Dagestan Regional Executive Committee. The news of the October Revolution and the overthrow of the Provisional Government did not lead to the same result in the Dagestan Oblast. Archival data show that the situation in the region was tense during this period. The Dagestan Regional Executive Committee faced an urgent problem of maintaining order in the region in connection with the frequent cases of robberies, murders, raids, arson, etc. The disarmament and the evacuation of the military units at the end of 1917 caused concern among the region's population, which required the local authorities to take additional measures to maintain calm among the population. Established in March–April 1917, the bodies of the Provisional Government of the Dagestan Oblast existed until April–May 1918, although in fact in March 1918 they were already a fictitious organization, which had no support among the people.

REFERENCES

1. Osmanov, A.I. et al. (eds) (2009) *Istoriya mnogovekovykh vzaimootnosheniy i edineniya narodov Dagestana s Rossiei. K 150-letiyu okonchatel'nogo vkhozhdeniya Dagestana v sostav Rossii* [The history of centuries-old relationships and unity of the peoples of Dagestan with Russia. On the 150th anniversary of the final incorporation of Dagestan into Russia]. Makhachkala: DSC RAS.
2. Takho-Godi, A. (1927) *Revolutsiya i kontrrevolyutsiya v Dagestane* [Revolution and counter-revolution in Dagestan]. Makhachkala: Dagestan. gos. izd-vo.
3. Karaev, K.R. (1957) *V gorakh Dagestana* [In the mountains of Dagestan]. Makhachkala: Dagknigoizdat.
4. Karaev, K.R. (1968) *Vospominaniya* [Memories]. Makhachkala: Tipografiya Dagfiliala AN SSSR.
5. Dalgat, A. (1960) *V ognе revolyutsii* [In the fire of the revolution]. Makhachkala: Dagknigoizdat.
6. Alikberov, G.A. (ed.) (1950) *Ocherki istorii Dagestana* [Essays on the history of Dagestan]. Pt. I. Makhachkala: Daggosizdat.
7. Alikberov, G.A. (1962) *Revolutsiya i grazhdanskaya vojna v Dagestane. Khronika vazhneyshikh sobyitiy (1917–1921 gg.)* [The revolution and civil war in Dagestan. Chronicle of the most important events (1917–21)]. Makhachkala: Dagestan. kn. izd-vo.
8. Gadzhiev, A.G. (1963) *Pomoshch' russkogo naroda v ustanovlenii Sovetskoy vlasti v Dagestane* [Help of the Russian people in the establishment of Soviet power in Dagestan]. Makhachkala: Dagknigoizdat.
9. Ramazanov, Kh.Kh. & Shikhsaidov, A.R. (1964) *Ocherki istorii Yuzhnogo Dagestana. Materialy k istorii narodov Dagestana s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [Essays on the history of South Dagestan. Materials on the history of the peoples of Dagestan from ancient times to the beginning of the 20th century]. Makhachkala: Tip. Dag. FAN SSSR.
10. Kashkaev, B.O. (1963) *Bor'ba za Sovety v Dagestane. 1917–1920 gody* [The fight for the Soviets in Dagestan. 1917–20]. Moscow: Sotsekgiz.
11. Kashkaev, B.O. (1972) *Ot Fevralya k Oktyabryu* [From February to October]. Moscow: Nauka.
12. Dibirow, M.-K. (1997) *Istoriya Dagestana v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny* [The history of Dagestan during the years of revolution and civil war]. Makhachkala.
13. Gadzhiev, A.-G. (ed.) (2002) *Memuary polkovnika Dzhaifarova Magomeda iz sel. Kudali. "Revolutsiya i grazhdanskaya vojna v Dagestane 1917–1921 gg."* [Memoirs of Colonel Magomed Jafarov from village Kudali: "The revolution and civil war in Dagestan in 1917–21]. Makhachkala: [s.n.].
14. Abdullaev, M.A. (1999) *Ibragim-Bek Gaydarov*. Makhachkala: Dagestan. kn. Izd-vo. (In Russian).
15. Dalgat, E.M. & Magomedova, S.A. (2015) *Magomed Dalgat: Epokha, zhizn', deyatel'nost'* [Magomed Dalgat: Age, life, activities]. Makhachkala: Dagestan. kn. izd-vo.
16. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund p-8. List 3. File 59. (In Russian).
17. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-702. List 1. File 14. (In Russian).
18. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-610. List 1. File 13. (In Russian).
19. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-612. List 1. File 1. (In Russian).
20. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-611. List 1. File 11. (In Russian).
21. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-705. List 1. File 1. (In Russian).
22. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-785. List 1. File 1. (In Russian).
23. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-611. List 1. File 9. (In Russian).
24. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 4. (In Russian).
25. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 9. (In Russian).
26. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 3. (In Russian).
27. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-785. List 1. File 3. (In Russian).
28. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 15. (In Russian).
29. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-610. List 1. File 3. (In Russian).
30. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-611. List 1. File 3. (In Russian).

31. Petrov, Yu.A. (ed.) (2014) *Rossiia v gody Pervoy mirovoy voyny: ekonomicheskoe polozhenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis* [Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis]. Moscow: Polit. entsikl.
32. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-610. List 1. File 27. (In Russian).
33. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund p-8. List 3. File 21. (In Russian).
34. Daniyalov, G.D. (ed.) (1968) *Istoriya Dagestana: v 4 t.* [The history of Dagestan: in 4 volumes]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
35. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 2. (In Russian).
36. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 12. (In Russian).
37. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 21. (In Russian).
38. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 23. (In Russian).
39. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 22. (In Russian).
40. Central State Archive of the Republic of Dagestan (TsGARD). Fund r-609. List 1. File 34. (In Russian).

Received: 22 July 2019